

ЧТО МОЖЕТ РЯДОВОЙ АКТЕР?

ТЕАТР

Гвардии рядовой... Как много значат эти слова! Сколько в них гордости за славную советскую гвардию, к которой принадлежат воины.

Так почему же в других случаях у нас обесценивается прекрасное слово — рядовой? Пронизывая его, подразумевают — заурядный. А ведь это совсем не одно и то же. Чаше всего прямо противоположное по смыслу, когда речь идет о рядовых советских людях — творцах нового.

Рядовой артист. Он — солдат великой армии искусства, «революцией мобилизованный и призванный». У него нет (возможно, еще нет) никаких званий, кроме этого. Но оно-то и есть самое почетное. Если человек с честью носит звание советского артиста, он заслуживает уважения, веры в его творческие возможности, самого пристального внимания к его пути художника.

Однако, чего греха таить, в жизни не всегда бывает такое. Успех или неудача «звезды первой величины» становится предметом обсуждений и в театре, и в печати. А для рядовых порой ни там, ни здесь не хватает времени, места. Хотя никакой спектакль без них не обходится, и, стало быть, их творчество — неотъемлемая часть всего театрального искусства.

Наш Крым в этом смысле не составляет исключения. Вот почему мне показалось просто необходимым рассказать об одном рядовом крымском артисте — С. Карниколе. Чтобы на его примере стало ясно: что же все-таки может дать рядовой актер искусству и, значит, людям.

Впервые я запомнила С. Кар-

николу в спектакле, который шел на симферопольской сцене без малого лет двадцать назад. Это была пьеса об американских школьниках — в большинстве своем неплохих ребятах и девушках, но старательно обрабатываемых буржуазной пропагандой. Артист играл — как сейчас помню — среднего из них. Веселый, компанейский, не слишком умный, но и не дурак, этот юный американец создавал вокруг себя атмосферу непосредственности, оживления. Нравился сначала не только своим товарищам, но и зрителям.

Разговор о «Молодой гвардии» настораживал. Нет, ничего непочтительного по отношению к ее героям не было даже в то-не, каким говорил американский школьник. Он не меньше других восхищался подвигами молодоговладимирцев. Зато дал понять, что лично он не склонен рисковать чем-либо. И... не рискнул потом, когда начали преследовать школьника с черной койкой. С. Карникола не сразу выносил приговор своему «герою», но этот приговор был суров и справедлив: он не подлежал зрительскому обжалованию.

Наряду со сценическими победами, у актера на протяжении всех лет его творческой деятельности были и поражения. Много их — неудач, вплоть до самого последнего времени. Они настигали артиста в разных пьесах, но больше всего, по-моему, в испанских комедиях плаща и шпаги. Комедии-то эти хороши, однако С. Карникола постоянно играл в них однотипные роли — богатых стариков. Выработывался исполнительский штамп, набор повторяемых комических прие-

мов, рассчитанных на смех в зале.

И, что самое невеселое, в театре мирился с этим. Иной режиссер даже возмущался, когда заговаривали о чем-нибудь подобном.

— Чего вы хотите? Роль не провалена. В конце концов, Карникола — лишь рядовой актер.

Режиссеры менялись, но ярлык рядового (в смысле заурядного) оставался у актера, будто написанное свидетельство о законности пониженных требований, о поверхностном внимании к нему на репетициях и т. д. и т. п. «Не провалит спектакль, но и не поднимет», — вот в сущности какая мысль была за всем этим. Неверная, обидная, даже вредная не для одного артиста, но и для всего творческого коллектива, уровень которого не может не снижаться ремесленничеством.

Конечно, вопреки всему этому, С. Карникола рос как актер. Однако рос медленней, чем могло бы быть, излишне петлял на своем пути. А что мастерство все-таки накапливалось, живое, созидательное брало верх над штампами, — об этом свидетельствуют недавние самые большие успехи актера.

Они подтверждают, с одной стороны, огромные возможности рядового артиста, а с другой — необходимость условий, при которых эти возможности раскрылись бы. Театр, как известно, — искусство коллективное, и без интересного режиссерского замысла, без вдумчивой работы режиссера невозможен подлинный актерский успех.

Наиболее ярким, на мой взгляд, в спектакле «Цимбелин», поставленном режиссером В. Тимошиным, было все, что связано с образом шута. В сценическом варианте шекспировского произведения А. Смирнова шуту даны считанные реплики. Но режиссер ввел в постановку песни шута перед занавесом. И в этих песнях (большинство из них — подлинные песни английских шутов) зазвучал голос народа, его гнев и боль. Причем, они звучали как в словах, так и в припеве без слов:

Вверху — насилие и грабёж,
Чуть-чуть пониже — лезть и ложь.

А где же правда? Трам-пам-рам

Тра-рам, па-рам, трам-пам-пам-пам...

Шут много раз появлялся перед зрителями. Более того, он стал совершенно необходимым. С его помощью глубже раскрывался смысл происходившего на сцене. Да и полю-

били мы шута — честного и мужественного, страдающего и протестующего.

Именно таким он предстал перед нами в изображении артиста С. Карниколы. Во дворце шут был шутлом: кувиркался, кривлялся, смешил короля и придворных. Но и под шутловской маской угадывались чистое сердце и проникательный ум простого человека. А когда он оставался наедине с нами — перед занавесом, — душа этого человека открывалась до конца.

Не забуду, как пел Карникола-шут, оскорбленный высокопоставленным негодяем, трагическую песню о своих песнях. О том, что они всегда с ним, даже в самые тяжелые минуты жизни. А затем снимал с себя колпак, скрывавший седые волосы. Часто аплодировали Карниколе зрители спектакля «Цимбелин». Но после этой сцены аплодисментам предшествовала тишина, абсолютная тишина в зрительном зале. Мне кажется, это — высшая награда.

Может быть, блестящее исполнение артистом роли шута — его единственный, столь высокий взлет? Может быть, взлетев однажды, он не в состоянии еще раз подняться так же высоко?

К счастью, нет. Игра С. Карниколы в последней премьере театра имени Горького — «Омуте» — опровергает предположения подобного рода.

Драма Э. Фабра написана по роману Бальзака «Жизнь холостяка». Роль Руже, которую исполняет артист, — одна из главных в ней. И в то же время — трудных. Воссоздавая на сцене историю провинциального богача-старика, до беспамьяства влюбленного в свою молодую экономку, легко было впасть в комикование или же патологию. Однако надо отдалить справедливость постановщику спектакля, главному режиссеру театра им. М. Горького В. Тимошину: он не позволил актеру свернуть ни на какую из боковых дорожек.

Руже в спектакле — прежде всего социальный тип и одновременно индивидуальный человеческий характер. При всем своеобразии его внутреннего и внешнего облика в нем есть что-то от других бальзаковских героев: Гранде, Нусингена и им подобных накопителей. Эгоизм и стяжательство хищника у него не меньших размеров, чем у собратьев по классу. Хотя реализуются эти качества несколько по-другому. Что особенно радует в новой творческой работе С. Карниколы? Актер ничего не повторил из использованного и,

признался, уже надоевшего в его прежних ролях стариков. А главное — освободился от нарочитости, какой они у него страдали. Руже на сцене — человек, не карикатура, но человек страшный, опасный при всей своей, казалось бы, старческой беспомощности. Удачно найден грим. Обычно С. Карниколу узнаешь сразу, не смотря на все, что наклеено на лице. А тут вроде и не слишком много наклеено, узнать же трудно. Новое лицо соответствует новому характеру. И в походке нет особо бросающихся примет, которыми еще недавно шеголял артист. Интонации тоже вполне естественные. Тем не менее Руже — Карниколу не спутаешь ни с кем другим, потому что все внешние особенности его определены внутренним содержанием.

Он с нежностью протягивает руки к Флоре, которую обожает. Однако это не просто руки старого любовника, это руки собственника, дотрагивающегося до своего имущества. Он плачет, искренне плачет, когда Флора отказывает ему в ласках, грозит покинуть его, если не будет выполнена ее воля. Зато он спокоен, совершенно спокоен, выгоняя из дома бедных родственников, отказывая им в помощи. Он, правда, слегка волнуется, когда просит позднее убить своего молодого соперника. Однако волнуется лишь из-за того, чтобы не услышала Флора и чтобы убийство было совершено.

Поэтому, замечая и понимая его переживания, публика отнюдь не сочувствует им. Старику Руже не улыбаются в зрительном зале. Над ним смеются с презрением. Вызывая именно такой смех, актер помогает убивать самый дух собственности.

Неужели же после всего этого можно снова употребить выражение «рядовой актер» как синоним заурядного? И по отношению к С. Карниколе, и к другим его товарищам по сцене? Ни в коем случае. А значит, пора кончать с недооценкой их творческого вклада, с невниманием или уже, во всяком случае, недостаточным вниманием к ним, со снисходительным похлопыванием по плечу. Советский артист по самой своей сути — истинный художник сцены. Верить в него и спрашивать с него надо по большому счету.

М. НОВИКОВА,

На снимке: сцена из драмы Э. Фабра (по Бальзаку) — «Омут». Справа — Жан-Жак Руже — арт. С. Карникола, полковник Филипп Бридо — арт. Е. Капитонов.

Фото Л. Яблонского.

